

МУСА
ДЖАНГАЗИЕВ

Аскар

МУСА
ДЖАНГАЗИЕВ
Аскар
(поэма)

Киргизское государственное
учебно-педагогическое издательство

Фрунзе — 1959

*Перевод с киргизского
Ирины Волобуевой.*

МОЕЙ СУДЬБОЙ БЫЛ ДЕТСКИЙ ДОМ

Предгорье. Невзрачный киргизский аил
Без окон, без света стоит, как слепой.
Он низкое небо насквозь продымил,
Он чахлые травы у юрт запыллил,
Он пахнет в ненастье промокшей кошмой.

Зимою снега проникают сквозь кров,
Ветра обдирают с землянок камыш...
А в юрте у бая—десятки ковров,
А в рабстве у бая—все сорок дворов,
Весь люд обнищавый земли Джаламыш.

Обтрёпанным ходит в аиле народ,
А байский чапан соболями обшит.
На пастбище бая—откормленный скот,
А ниже, где только репейник растёт,
Пасётся козлёнок соседа Шамши.

Согнулся Шамши под судьбой батрака,
Как будто под грузом тяжёлых камней.
Но радость пришла и в семью батрака:
Жена ему в ночь подарила сына,
И стало в убогой землянке светлей.

Зарезал козлёнка счастливый отец,
Над полным котлом поднимается пар.
Сбылися надежды Шамши наконец:
Колышется в люльке забавный малец,
Сынок дорогой—черноглазый Аскар.

А время летит с быстротой журавлей,
А месяцы тают, как снег на скале.
И мальчик становится крепче, смелей,
Три года, как он в одежонке своей
Ступает по голой бедняцкой земле.

Я всё про него расскажу без прикрас,
Как жил он, какие увидел края.
И, чтобы слезой не расстраивать вас,
О смерти родных его грустный рассказ
Решил не включать я в поэму, друзья.

Часть первая

Он рос, как стебель на ветру,
Как бы зверёныш между скал.
Никто Аскара-сироту
Не пожалел, не приласкал.

Тащи дрова, гони стада,
Терпи попреки да пинки.
...Он рос, и с ним росла беда,
Как та колючка у реки.

Где нет её на берегах?
То жалит, то одежду рвёт.
Мальчишка целый день в бегах;
Он, морщась, ранки на ногах
Рукой обветренною трёт.

Из всех Аскару одному
Весь день влетает то и знай.
Придёт голодным, но ему
Опять подаст одну джарму*
Супруга бая — Алтынай.

Невесел у Аскара взгляд...
Но как глаза теплеют вдруг,
Когда весёлых жеребят
В конюшне кормит он из рук!

Он их, лаская, теребит,
И рядом с ними, на полу,
Разрыв солому, крепко спит
Под старым потником в углу.

Но чуть бледнеет круг луны,
Чуть на горах виднеет снег,
Едва проснутся чабаны—
Зарлык и старый Тургунбек,

* Джарма — питьё.

Чуть розовеют за арчой,
Волокна сонных облаков,
Он гонит, щёлкая бичом,
Козлят и **рыжих** стригунков.

И нету камня среди скал,
И нет куста ни одного,
Который мальчика б не знал
И не приветствовал его!

* * *

Жара. К реке бредут стада.
Аскар у ближнего куста
Сидит и делает стрелу.
И вдруг он видит: вот беда!
Залез ягнёнок на скалу.

Он вниз копытцами скользя,
Глядит бессмысленно вокруг.
Никак согнать его нельзя,
Позвать,—ещё сорвётся вдруг!

В полях притихших—никого.
Аскар кустарник обогнул
И бросил камешком **в** него.
Но тот и глазом не моргнул.

Аскар затопал, заорал:
„Слезай, дурацкая башка!“
Но только эхо среди скал
Передразнило пастушка,

Да в речке всхлипнула вода,
Да птица вздрогнула в кустах.
...Когда к кому идёт беда,
Не разбирается в летах.

Штаны проворно засучив,
По склону скользкому, как лёд,
Хватаясь за кусты арчи,
Наверх он медленно ползёт.

Ползёт, боясь взглянуть назад,
Глаза заплаканные, злы.
Под ним, как шумный водопад,
Летит щебёнка со скалы.

Ползёт... И вдруг внезапный хруст.
Скользнуло тело паренька,
И с корнем выдернутый куст
Разжала слабая рука...

.

Вернулись к вечеру стада.
„А где ж мальчишка?“ — злится бай,
„Нет у проклятого стыда!“ —
Кричит супругу Алтынай. —

За то, что ты его кормил,
Украл ягнёнка этот плут!
Сбежал от нас в другой аил,
Пусть чабаны его найдут!

Пусть отдубасят за побег,
Пускай намнут ему бока!
Эй, слышишь, старый Тургунбек,
Садись живее на быка!“

И Тургунбек, сквозь темноту,
Пустился в путь, скрывая страх.
„Ну, где найду я сироту?
Не заблудился ль он в горах!?”

Где отыскать мальчишки след...“
Чабан встревоженно вздыхал,
Ведь он и сам немало бед
На белом свете повидал.

...А там, у склона, где шуршит
Под ветром летняя трава,
Аскар не двигаясь лежит,
В густых колючках голова.

Как бы в тиски, зажата грудь,
Ногою больно шевелить.
Где он? О, хоть бы кто-нибудь
Пришёл и дал ему попить!

И вышла к мальчику луна,
И осветила ярко ночь.
Хотела, видимо, она
Хоть чем-то бедному помочь.

Светло, но рядом—никого.
Лишь травы шепчутся кругом,
Да птица чёрная его
Задела медленным крылом.

О нет, наверно, это сон!
Но вдруг проснулась тишина:
„Аскар! Аскар!“—услышал он
Знакомый голос чабана.

К нему подходит старый друг.
И, смутно вспомнив об отце,
Тепло корявых добрых рук
Он ощущает на лице.

„Что у тебя, сынок, болит?“
И, словно чувствуя вину,
Аскар расплакался навзрыд,
Прижавшись робко к чабану.

* * *

Светает. Спит в лощинах снег,
Меж трав, дорогою прямой
С Аскаром едет Тургунбек,
Над ними чёрных мошек рой.

Над ними—стаей облака
Плывут, как лёгкие дымки.
Чабан ногою бьёт быка
И голос слушает реки.

Он с волн не сводит хмурый взгляд,
Их вечный говор глух и тих,
Как будто волны говорят
Об огорчениях своих.

Уже недолго до жары,
А сирота почти без сил...
Всё убегает за бугры
Вдали раскинутый аил.

И бык, заметно сбавив прыть,
Вперёд всё медленней идёт,
Он, словно долгой сказки нить,
Ногами вялыми прядёт.

Но вот вдали видней поля,
Аил, окутанный в туман.
„Смотри: вон там—моя земля!“—
Воскликнул радостно чабан.

И сразу, как по волшебству,
Им осветил рассветный луч
Деревьев сочную листву,
Цветы лугов и склоны круч.

К дымам аила путь прямой,
Где Тургунбек мальчишкой жил,
И ветер утренней струей
Лицо Аскара освежил.

Но Тургунбек решил свернуть
К реке, чтоб в травах отдохнуть,
Быка чтоб вдоволь напоить,
Чтоб раны мальчика промыть,
И лишь потом пуститься в путь.

А мальчика бросает в дрожь,
Он, бедный, мечется в жару.
„Куда же ты меня везёшь?“
„К своей сестре в аил везу.

Смотри, какой чудесный край!
Уже осталось полпути.
Теперь, Аскар, проклятый бай
Не сможет здесь тебя найти!“

* * *

А бай сидит гроза-грозой!
Из-под нависших дряблых век

Бросает хищно взгляд косой:
„А где мальчишка, Тургунбек!?“

Валит народ из ближних юрт,
Шумят, проснулись все, кто спал.
А где сиротка, не поймут,
Погиб он, что ли, среди скал?
Чабан, в пыли весь, как в золе,
Сказал: „Нет места на земле,
Где б я сиротку не искал!

Я был на землях Чатаке,
Я в каждый заезжал аил,
Кричал, спускался с гор к реке,
Поля Ункура исходил.

Быть может, волк его настиг?
В горах недолго быть греху!..“
„О, пусть отсохнет твой язык!“ —
Сказали люди пастуху.

„Везде ли ты его искал?“
„Везде! В лесах, у дальних рек...
Быть может, съел его шакал...“ —
Вздыхнул притворно Тургунбек.

„Молчи, собака! — крикнул бай, —
Кто знает, лжёшь ты или нет!
Скачите все из края в край,
Не мог пропасть мальчишки след!“

Всё зря. Проходит месяц, год, —
Нигде известий никаких.
О сироте решил народ:
„Как видно, нет его в живых“.

* * *

Прошло две зимы, две весны,
Опять в аиле летний зной.
Живёт сиротка у Айны,
Как бы у матери родной.

Остыли в нём испуг и злость,
Рубцы зажили на спине.
Однажды родич, щедрый гость,
Приехал вечером к Айне.

Аскару с гостем повезло:
Он ел с ним сахарный арбуз.
Напился досыта сурпо,*
Достал свой маленький комуз.

Играл он гостю всё, что знал,
По просьбе пел ему, как мог.
И удивился аксакал:
„Какой способный паренёк!

Ему б учиться... Я в Пишпек
Возьму мальчишку-чабана!“
„Спасибо, добрый человек?“ —
До слёз растрогалась Айна.

* * *

И вот мальчишка слышит гром,
Арба трясётся, пыль столбом,
Стекло витрин, как грязный лёд
Вон за оградой — старый дом, —
От стен побелка отстаёт.

* С у р п о — суп из баранины.

Весь город полон духоты,
Лотки, как стойла для овец.
„Манты, горячие манты!“* —
Горланит потный продавец.

„Попробуй свежее бозо!“** —
Кричит настойчиво казах.
И город кружит колесом,
Рябит у мальчика в глазах.

А там, как гул речной волны,
Базар шумит на бугорке.
Кто гонит лошадь, кто осла.
Там этот родствечник Айны —
Весёлый дядя Келдике
Большие делает дела.

Не только дёшево купить,
Не только дорого продать,
Он рад всю ночь с друзьями пить,
Напившись в стельку, сутки спать!

Обжудить в карточной игре,
Буянить, ссориться спьяна.
Зато, купаясь в серебре,
Живёт Каныш — его жена.

Богатый дом. Детишек нет.
Нарядов тьма! Хоть отбавляй
На двух сготовила обед,
Убрала в доме, и гуляй!

К тому же сирота Аскар
Помощник в доме как-никак:

* М а н т ы — кушанье.

** Б о з о — напиток.

Он ставит утром самовар,
Мешками тащит ей кизяк.

Эх, знала б бедная Айна
Куда попал её малыш,
Что он с утра и до темна
На побегушках у Каныш.

А в школу?.. Разве что во сне
Он с мальчуганами ходил...
Аскар вернулся бы к Айне,
Да где найдёшь её аил?

* * *

Опять напился Келдике!
Орёт! Ему на всё плевать!
С пустой бутылкою в руке
Он грузно рухнул на кровать.

Бессвязно вслух забормотал,
Как будто малое дитя.
„Смотри, чтоб дядя не упал“, —
Каныш сказала, уходя.

И мальчик, щёку подперев,
Сидит. Проходит час, другой...
Вдруг Келдике взревел, как лев:
„Беги быстрее за водой!“

Ты у меня, пацан, смотри!“
Он встал и стукнул по столу:
„Не видишь, всё горит внутри?
Давай быстрее пиалу!“

А пиала дрожит в руке...
„Ты вздумал воду разливать?!“
Напрасно пьяный Келдике
Мальца пытается догнать:

Смешно шатаюсь и сопя,
Он быстро выбился из сил..
Увидев в зеркале себя,
„А это кто ещё?“ —спросил,—

Нет, я с тобою незнаком!
А... Ты дразнить меня, хамьё!??
И дядя треснул кулаком
Изображение своё.

И до кровати кое-как
Дополз не размыкая век.
...Не знает он, кто друг, кто враг,
Какого цвета вьётся флаг
Над шумным городом Пишпек.

Два года в городе Аскар.
Так и не смог уйти к Айне.
На*шее грязь, не то загар,
Рубаха в дырах на спине;

И нет из близких никого...
Но всё ж в Пишпекке веселей:
На ближней улице его
Встречает множество друзей:

Бродяга-клоун дружит с ним;
Карманщик длинный, как верста,
Весёлый фокусник Керим—
Такой же круглый сирота.

Аскар хоть несколько минут
Урвёт, бывало, среди дня.
Друзья, сойдясь, солому жгут
И веселятся у огня.

Искусно ходят на руках,
Бренчат на струнах мандолин,
И клоун в порванных штанах
Изображает балерин.

Там и ночами смех и визг,
Там каждый чем-то знаменит,
Танцуя, рыженький киргиз
Смешно ушами шевелит.

„А ну-ка, малый, твой черёд!“
И умолкают все вокруг:
Аскар застенчиво берёт
Комуз у клоуна из рук.

И всё смелей, всё горячей
Мотив мелодии звенит,
То, словно булькает ручей,
То—слышен дробный стук копыт,

То—шелестит в лесу листва,
То—водопад сбегает с гор,
И бойкой песенки слова
Вокруг подхватывает хор:

„Пас овец я день-деньской,
Бросил есть и бросил пить,
Всё ж на заработок мой
Мне невесты не купишь!“

А лунный вечер серебрист...
Тепло. „Играй, Аскар, играй!“
И вдруг знакомый зычный свист:
Идёт с баяном Николай.

Полсвета парень исходил,
Видал большие города.
У Николая на груди
Пятиконечная звезда.

В руке дырявый чемодан,
В котором утку носит он.
Вот Николай раскрыл баян,
Отвесил „публике“ поклон,

Со лба откинул прядь волос
И заиграл весёлый вальс,
И утка высунула нос,
Крылом взмахнула, поднялась.

И под весёлый смех ребят
Один, в раскачку, за одним,
Выходят пять смешных утят
И машут крылышками им.

И под стихающий баян;
Как бы согретые огнём,
Опять заходят в чемодан,
Галдят, устраиваясь в нём.

А пламя дымного костра
До самой полночи горит.
Ребята видят: у бугра
Проходит с женщиной джигит.

кутана в платок,
я юбка до земли...
И вдруг—в их сторону рынок,
И всех застигнутых врасплох,
Поймав, джигиты повели.

Обман! Аскар не в шутку зол,
Он головой джигитов бьёт.
...О, если б знал он наперёд,
Что к новой жизни комсомол
Бездомных за руку ведёт!

Мальчишки жмутся у дверей,
Как стадо диких верблюжат.
„А ну, команда, веселей!“—
Сказал милиции сержант.

Давайте-ка поговорим,
Кто где родился, где живёт.
Молчат. Лишь фокусник Керим
С усмешкой выступил вперёд:
„Не трать, ага,* напрасно слов,
Чего нас держут, как воров,
Чего вам надо от сирот?“

Но у сержанта добрый взгляд.
В упор, рассеивая страх,
Он долго смотрит на ребят,
На рвань засаленных рубах;

„А ты откуда, паренёк?“—
Тепло спросил он наконец.
Аскар, уставясь в потолок,

* А г а — почтительное обращение.

Стоит, как загнанный зверёк.
„Где ты живёшь? Кто твой отец?“

Рукой стирая пот с лица,
Аскар ему ответил зло:
„Нет у меня давно отца!“
Сержант вздохнул: „Не повезло...“

И, осмелев, мальчишка вдруг
Ему с доверием сказал:
„А вот Акмат—мой лучший друг,
Он клянчить ходит на вокзал.“

Глаза закроет—просто смех!
Как будто вправду он слепой.
В карманы лазит лучше всех,
Деньгами делится со мной!

А вот её зовут Канбу...“
И та, смущённая до слёз,
Рукой поправила на лбу
Кудряшки спутанных волос.

Морщинки взрослого у рта
Смотреть без жалости нельзя!
...Она такая ж сирота,
Как он, как все его друзья...

Совсем худышка. Туфель нет.
Одежда—рваное тряпье.
Когда ей стукнуло пять лет,
Отца убили у неё.

А мать сбежала с торгашом,
Который был богат и стар.
„Канбу бы надо в детский дом!“—
Сказал заботливо Аскар.—

У ней есть дед, но он больной,
Ещё ему бы кто помог!
Сержант выходит за порог:
„А ну-ка, дочка, марш за мной!“ —
И запер двери на замок.

* * *

Когда рассвет раздвинул тьму,
Аскар проснулся в тишине:
„Попались, видно, мы в тюрьму!
А может, это всё во сне?“

Вдруг слышит — щёлкают замком,
И парень, прынув на ребят,
Орёт, как будто кипятком
Его ошпарить норовят.

Одет чудак не как-нибудь:
Жилет (не важно, что с дырой),
Картузик, сплошь в рисунках грудь —
Русалка, сердце со стрелой.

Чудно! Как будто бык ревёт!
Ребята смотрят на него,
А он ногами двери бьёт,
Но там, за дверью — никого.

Но вскоре сил иссяк запас,
Буян охрип и весь вспотел.
Он сел, курнос и узкоглаз,
Мальчишек грозно оглядел.

Достал гребёнку для волос,
Прищурясь, дунул на неё:
„Так вот, бродяги, в чём вопрос:
В тюрьме, конечно, не житьё!“

Сухие корки да вода!
Бежать отсюда нужно нам,
Не оставаться ж навсегда
Здесь на съедение клопам!

Попались кролики в капкан!
А мне и тюрьмы не страшны!
Я—самый главный атаман,
Вы подчиняться мне должны!

Вон—сверху узкое окно,
Стекло—раз плюнуть выбить днём,
А станет к вечеру темно,
Мы—хлоп, и мигом улизнём!

Кто первым лезть наверх готов?
Никто? Боятесь, попадёт?!"
...За дверью—шарканье шагов,
Никак, милиция идёт.

Открылись двери. Чудеса!
Опять простор над головой,
Пылая, солнце бьёт в глаза,
И тополя шумят листвою.

Вершины снежные кругом,
Под ветром кустики шуршат.
Ребят в какой-то серый дом
Ведёт милиции сержант.

Зачем? Кто их решит судьбу?
Но вот, сияя, как луна,
Им машет весело Канбу
Из широченного окна.

А в светлом зале — благодать!
Ковры, растенья по углам,
Аскару боязно ступать
По чисто вымытым полам.

А в бане, сверху, льёт вода.
Откуда там она взялась?
Как будто дождь вбежал сюда,
Чтобы смывать с мальчишек грязь.

Как эти струи горячи!
А вдруг они не станут течь?
Потоки чёрные бегут
С голов, с худых ребячьих плеч.

Не видно лиц сквозь жаркий пар,
А мыльный пол скользит, как лёд.
Усердно моется Аскар,
Себя мочалкой жёсткой трёт.

Он словно плещется в реке,
Вода струится, как ручей.
Заходит женщина в платке,
Несёт бельё для малышей,

Стрижёт их бойко, как овец,
Срезает ногти. А потом
Она сказала наконец:
„Сержант привёл вас в детский дом“.

Часть вторая

Когда Сибирь за сотни вёрст
Возила в глушь, на стройки, лес

И зажигал миллионы звёзд
Великой мощи Днепрогэс,

Когда родной мой Киргизстан
Из байских вырвался сетей
И пятилетний первый план
Стал делом жизни для людей,

Когда подсланный врагом
Шпион, где мог, стране вредил,
Сирот бездомных детский дом
Под тёплой крышею растил.

Он новый путь им освещал,
Как яркий утренний рассвет,
Он детям детство возвращал,
Глазам — улыбку, сердцу — свет.

Он бил в походный барабан,
Как улей с пчёлами, гудел.
Там бывший маленький чабан
За школьной партою сидел.

...Меня растил тот детский дом,
И я боюсь, что, может быть,
Мне не успеть своим трудом
За день один, прожитый в нём,
В течение жизни заплатить.

* * *

Пришла метельная зима,
Земля в сугробах, как в стогах.
Стоят притихшие дома
По окна в радужных снегах.

Опять раздолье детворе!
Мельканье санок, звон коньков.
Вершины в белом серебре,
Как груды сахарных голов.

Ну, кто такой зиме не рад?
Сверкают звёздочки на льду,
Спешит январь к нам—старший брат
Всех прочих месяцев в году.

Блещат под солнцем рёбра скал,
Как бы облитые водой.
Мороз—степенный аксакал
Трясёт пушистой бородой.

Он ночью сходит с высоты
И принимается за труд.
И утром пышные цветы
На окнах вычурно цветут.

Он превращает реки в лёд,
В сосульку—ветку деревца,
Бывает, больно ущипнёт
За нос мальчишку-сорванца.

Он покрывает толстым льдом
Следы от санок и колёс.
А ныне, к ночи, в детский дом
Большую ёлку он принёс.

Аскар не видел никогда
Такого чуда из чудес:
Вверху огромная звезда,
Флажки, хлопушки, нитей блеск,

На верхней ветке стрекоза,
Вон конь, вон дождик золотой.
Аскар глядит во все глаза
И ветки трогает рукой.

Часы пробили Новый год,
И льётся песня, как ручей.
Весёлый кружит хоровод
Вокруг мигающих свечей.

Как будто пляшет вся страна
Под вальс гармошек и гитар.
...Эх, знала б тётушка Айна,
Куда попал её Аскар!

* * *

Как незаметно в январе
У всех каникулы прошли!
Уже теплеет во дворе,
Травинки лезут из земли,

В тарелке проросло зерно,
Всё чаще слышен свист грачей,
И рвутся в школьное окно
Снопы весенние лучей.

И тополь, сбросив снежный груз,
Стоит, ветвями шевеля.
На тонких ветках—капли бус,
Крутые капельки дождя.

И отдаёт весна приказ,
Чтоб снова было всё в цвету.
Аскар, закончив первый класс,
Сажает яблоньки в саду.

А летом радостней всего
В одних трусах носиться вскачь,
Бродить долиной Таш-Тюбе,
Гонять с товарищами мяч.

Следить, как фокусник Керим
На серый холст кладёт мазки,
Как оживают перед ним
И лёгкой тучки сизый дым,
И жёлтой мальвы лепестки.

Он так же ходит босиком,
Подчас бывает так же груб,
И так же волосы торчком,
И впереди щербатый зуб.

И всё же фокусник не тот,
Каким Пишпек его считал:
Как изменился он за год,
Как много книжек прочитал!

Драчун, обидчик, бывший вор,
Который спал в грязи канав,
Он разбирает каждый спор,
Кто из мальчишек прав, неправ.

Он в классе первый ученик,
И трунят старшие над ним:
„Задачу делаешь за миг?
Не зря ты фокусник, Керим!“

Под вечер, сидя у стола,
Он пишет девочкам в альбом.
Сегодня к ночи Жамийла
Пришла дежурить в детский дом.

Вокруг ребята, как птенцы,
Галдят, показывая ей
Цветы, вязанья образцы,
Модели разных кораблей,

Картонный, с трубами, завод,
Салфетку вышитую в гладь,
Всё, что для выставки работ
Они решили отобрать;

Железный, маленький вагон,
Из глины горы и аил.
Сегодня даже сам Антон
Работы эти похвалил.

Цветной рисунок в руки взял,
Сказал: „Отлично вышел мак!“
Керим смущённо просиял:
Директор хвалит как-никак!

„А ну-ка, это покажи!“
И в узкой раме, под стеклом,
Антон увидел край межи,
Пчелу над розовым цветком.

А за озёрной синевой,
У отдалённых серых юрт,
Почти закрытые травой,
Ягнята белые бредут.

Как будто дышат перед ним
Вода, цветы и небосклон.
„Ну, молодчина ты, Керим!“—
Воскликнул радостно Антон.

* * *

Всё реже слышен птичий свист,
Сентябрь берёт свои права,
Ныряет в лужу рыжий лист,
Под ветром горбится трава.

Уже в полях ни колоска,
Уже ни яблока в саду.
Палатки сложены. Пока!
До встречи в будущем году!

У горных склонов—никого.
Весь край притих и загрустил,
Как будто вдруг из Таш-Тюбе
Откочевал большой аил.

* * *

Ещё недавно цвёл тюльпан,
И вдруг на землю снег слетел.
...О время, вечный караван,
Гружёный тысячами дел!

Ты должен сердцем, глубоко,
Во всё вникать, всё подмечать.
...Киргизским детям не легко
Впервые русский изучать!

Антон, хоть знает их язык,
По-русски с ними речь ведёт,
Приносит стопки русских книг
И все ребятам раздаёт.

Да мало ль всяческих забот?
То нету света, то воды,
Он утром делает обход,
Тепло ли? Хватит ли еды?

Есть сметы твёрдые, есть план,
Но смотришь—раз! И подвели...
Порвал одежду мальчуган,
Достанешь, хоть из-под земли!

То стёкла вылетят из рам,
Никак ~~за~~ всем не доглядеть!
Закончив день, по вечерам
С детьми он любит посидеть,

Принять участие в игре,
Прочесть им повесть или стих.
Привык он к этой детворе,
К повадкам каждого из них.

Бывает, только лишь Антон
Зайдёт к ребятам в клубный зал,
Все дружно просят, чтобы он
О чём-нибудь им рассказал.

О боевом коне своём,
О том, как в ночь мела пурга,
Когда он с Фрунзе, под огнём,
Ходил в атаку на врага.

Хоть всё известно им давно,
Сидят мальчишки не дыша.
Как будто фронт. Вокруг темно,
Болото. Шорох камыша.

И тихо фокусник Керим,
Аскар, Акмат и все, кто тут,
В ночи с директором своим
В разведку берегом идут.

То вдруг бегут, открыв огонь,
Иль на привале, у реки,
С ним вместе пляшут под гармонь,
Вбивая в землю каблуки...

.

Антон немало видел бед,
В боях опасности встречал,
За то сам Фрунзе партбилет
Ему торжественно вручал!

...Но вот зовёт знакомый звон,
Спешит в столовую отряд.
„Я тоже буду, как Антон“ —
Решает каждый из ребят.

Приходит рано Жамийла.
Улыбки нет. Нахмурен взгляд.
Опять, наверно, много дел,
А может, кто-то из ребят
Сегодня утром заболел?

Иль, может, вспомнила аил,
Свой Арашанский дальний край,
Где в ночь предательски убил
Её отца жестокий бай?

Иль, может, старая тоска
Пришла опять напоминать,
Как Жамийлу за старика
Насильно думали отдать?

Немало горя за спиной...
В глухую ночь метель мела,
Когда другому став женой,
Ушла из дома Жамийла.

Учитель... Добрый человек!
Сквозь тьму заснеженных дорог
Привёл он девушку в Пишпек,
Одел, учиться ей помог!

Антон (супруга давний друг)
Помог охотно Жамийле.
Когда есть пара честных рук,
Не пропадёшь у нас в стране!

Приходит счастье—горе прочь!
У них есть дом, в нём яркий свет,
В нём в раме Ленина портрет,
В нём в люльке маленькая дочь.

Хоть очень девочка мала
И много требует забот,
Не забывает Жамийла
Своих детдомовских сирот.

По-комсомольски, всей душой,
Живёт заботой о других,
Как будто мать семьи большой,
Черты, привычки знает их.

Есть у неё особый дар—
Дружить с ребятами всерьёз.
...Однажды вечером Аскар
Комуз откуда-то принёс.

Он сел и пальцами руки
Ударил бойко по струне,
И заструился шум реки,
Запели птицы в тишине.

То всадник в поле проскакал,
То загудел пчелиный рой.
И весь служебный персонал
Заслушался его игрой.

И Жамийла, прищуря взор,
Глядит задумчиво на свет:
„Какая глупость! До сих пор
Комуза в детском доме нет!“

Когда последний стаял снег
И с Ала-Тоо сполз туман,
Явился снова в свой Пишпек
Серёжка—бывший атаман.

Но улиц он не узнаёт,
„Уж не сошёл ли я с ума!?“
Бульвар. Фонтан из камня бьёт,
Вокруг настроены дома.

Чудно! А где же тот бугор,
Где жгли солому и кизяк,
Где он, Сергей, карманный вор,
В игре обжуливал бродяг!?

Вокзал. Газоны. Тень аллея.
Грохочет стройка за углом
Когда-то, ночью, здесь Сергей
Валялся пьяный под мостом...

Он знал всех нищих и калек,
Убийц, бежавших из тюрьмы,
Он был не зверь, не человек,
Не отличал от света тьмы.

Буянил, дрался... А потом...
Ну, кто бы вора в нём признал?
Не зря Сергея детский дом
В ташкентский техникум послал!

А что ж? Он парень с головой!
Упрямый. Видно по всему!
Идёт он гордо, и листвою
Кивает дерево ему.

Знакомый дом. Трещит звонок.
Ботинок топот. Стук дверей.
„Наверно, кончился урок“, —
Подумал весело Сергей.

Ну всё! Заметили в окно!
По гладкой лестнице скользя,
Как будто куры на зерно,
К Сергею кинулись друзья.

Зажат он в тесный, шумный круг,
Спасенья нету от ребят!
Он жмёт десятки тёплых рук:
„Привет, Керим! Привет, Акмат!“

Узнал меня ты или нет!?"
Но не прошло и двух минут,
Уже к Антону в кабинет
Мальчишки гостя волокут.

"А ну, Артёмов, покажись!
Поверь, узнал тебя с трудом!
Хорош... Ну вот и вышел в жизнь..
Спасибо, вспомнил детский дом!"

* * *

Теперь в детдоме есть оркестр.
Антон, конечно, всё достал!
Жаль, что Артёмов в свой приезд
Комузов этих не видал!

У них живые голоса:
Едва на струны бросишь взгляд,
Едва их тронешь—чудеса!
На все лады заговорят!

С комузом сев на низкий стул,
Аскар забыл про все дела
"Играет, словно Токтогул!"—
Аскара хвалит Жамийла.

Плывёт мелодия волной,
Шумит и за сердце берёт...
Сдаётся—раннею весной
Дождинки падают на лёд,

То с дальних гор бежит река,
То белка щёлкает орех,
То птичий свист, то лай щенка,
То тихий плач, то звонкий смех.

Играй себе да веселись,
Довольный светлую судьбой.
.. А как пойдёшь ты дальше в жизнь,
Какие цели пред тобой!?

Дерзай! Пусть будет путь твой крут,
Иди с отчизною в строю,
Вложи всё сердце в добрый труд,
Мечту заветную свою.

Дерзай!.. Взмахни смелей крылом!
Во всём настойчив будь и смел!
Тебя взлелеял детский дом,
Вскормил и сердце отогрел.

Тринадцать лет твоя страна,
Как мать, печётся о тебе.
...Звенит комузная струна
О новой радостной судьбе.

Играй, Аскар, ещё играй!
И песнь звенит, как серебро.
...А где-то в ночь крадётся бай,
Чтоб сжечь народное добро.

Поют весенние ручьи,
На ветке свищет соловей,
...А где-то ночью басмачи
Готовят ружья и коней.

* * *

Текли за днями дни, и вдруг
Нависла туча, грянул гром:
Враги обрушились на юг,
В Алай-Гульче пальба, разгром.

Пылают юрты, дым и гарь,
Повозки едут грохоча;
Убит в райкоме секретарь
Коварной пулей басмача.

О, будь ты проклят, байский род!
Под градом пуль, сквозь тьму ночей,
Идёт разгневанный народ
Спасать свой край от басмачей.

Охвачен пламенем Озгон,
Дымится взорванный рудник.
Ушёл с винтовкой и Антон —
Бывалый красный фронтовик.

* * *

Ушёл Антон... И Жамийле
Забот прибавилось вдвойне,
Всё успевать ей надо в срок,
Вести директора дела...
Зимою красный уголок
Создать решила Жамийла.

Теперь она все вечера
С детьми проводит их досуг.
Без глаз начальства детвора
Как не отбилась бы от рук!

Когда ж вернётся к ним Антон!?
Но вскоре прислан был другой.
Он взял начальнический тон,
Навёл „порядки“ в кладовой.

Кричал, прогнал кладовщика,
Всех на собрание разгромил
И даже общего щенка
Держать в детдоме запретил.

Потом, зайдя в свой кабинет,
Скривился: „Стол — и без сукна!
Дорожки нет! Дивана нет!“
Велел цветы убрать с окна.

„Сукно достанешь для стола,
А этот лишний хлам прими!“
До слёз краснеет Жамийла,
Неловко ей перед детьми...

Всё изменилось с этих пор...
Беда! Антона нет как нет!
Из зала клубного ковёр
Перетащили в кабинет,

Из спальни взяты зеркала,
Повсюду грязь и неуют.
Забросив книги и дела,
Детдомовцы баклуши бьют.

Им без Антона плохо жить!
Директор новый груб и зол...
Он, чтоб ребят расположить,
Порядки новые завёл;

Сказал работникам своим:
„Детей не стоит загружать!“
Теперь не надо утром им
Свои постели убирать,

Не надо в руки брать метлу.
Лафа! Без дела целый день!
Пускай грязища на полу,
Копаться в грядках тоже лень!

Не надо им колоть дрова,
Дежурств не надо проводить.
Купаться в бане? Чёрта с два!
И грязным можно походить!

Найдут окурочек — и в карман,
В друг друга мякишем палят.
А друг директора — Курман
Доносит вечно на ребят.

Не раз, придя навеселе,
Он зря кидался на детей.
Что делать бедной Жамийле,
Кому пожаловаться ей?

Как быть? Кто может дать совет?
Попались подлому в капкан.
...Обставив пышно кабинет,
Директор в нём сидит, как хан.

Нахмурясь, выпятив губу,
Даёт приказы в телефон.
Его жена — Канымбубу
Заходит к мужу на поклон.

Присев на краешек стола,
Качает медленно ногой.
„Нельзя ли эти зеркала
Забрать отсюда, дорогой?

Послушай, милый Асанкул,
Ты вечно трудишься за всех!
Прошёлся б в город, отдохнул,
С утра—как белка в колесе!

Ну, кто же твой оценит труд?
До поздней ночи сотни дел!
Тебя мальчишки изведут,
Боюсь, чтоб ты не похудел!“

И Асанкул, как манекен,
Сидит и смотрит на жену:
Франтиха! Юбка до колен,
Штрихи бровей подведены.

Да, у неё отличный вкус!
Шикарный в талию жакет,
Серёжки, нить блестящих бус,
И в дорогих камнях браслет.

Платок накинута пуховой...
Большие траты! Но зато
Директору из кладовой
Перепадает кое-что.

А вдруг раскроется обман?
Напишут жалобу в Пишпек...
Да нет, дружок его—Курман—
Надёжный, верный человек!

Он мастер замечать следы!
Директор смотрит из окна,
Как рвёт детдомовцев цветы
Его любимая жена.

Они, орудуя вдвоём,
Здесь наживутся без труда!
...А в детском доме с каждым днём
Всё хуже скудная еда:

На завтрак—суп, на ужин—суп,
То вовсе хлеба нет в обед.
Сварить бы кашу—нету круп,
Поставить чай—заварки нет!

Весь день под ложечкой сосёт,
Ослабнешь,—так бы и не встал!
А раньше к чаю даже мёд
Антон ребятам доставал...

* * *

Опять ручьи сбегают с гор,
Снега сползают с высоты,
Как пышный праздничный ковёр,
Пестрят весенние цветы.

И мальва, солнечный цветок,
Накинул белый свой платок,
Пышны бутоны майских роз.
Вьюнка зелёный завиток
По ветке дерева пополз.

Выводит трели соловей,
На травах—бусами роса;
Всё чаще хлопанье дверей,
В саду всё чаще голоса.

И солнце яркое вдали
Лучом пронзает облака.
Уже арбузы зацвели,
Окрепли крылья мотылька.

Всё шумный май перевернул,
Дождём пылищу с окон смыл.
Весна! А злобный Асанкул
Опять такой, каким и был:

Всё так же щурит волчий взгляд,
Весь день бранится, пышет злом,
...Недавно трое из ребят
Сбежали, бросив детский дом.

Опять влезать в чужой карман,
Бродить по чёрным брёвнам шпал...
Двоих с трудом настиг Курман,
А третий все-таки удрал.

* *
* *

Всё чаще маленький Аскар
Теперь берётся за комуз,
Сидит под ветками чинар,
На брови сдвинув свой картуз.

Его глаза глядят с тоской,
Он стал угрюм и молчалив.
Едва коснётся струн рукой,
Вздыхает медленный мотив.

То словно ропщет, то грозит,
То будто стонет от беды!
...А в грязных комнатах сквозит,
По суткам нет опять воды!

Исчез ковёр и зеркала,
В библиотеке нету книг.
И вот решила Жамийла
Сказать всю правду, напрямик.

Собрание. В зале смолкнул гул.
Сверкнув глазами из-под век,
Она сказала: „Асанкул —
Плохой, нечестный человек!

Он набивает свой карман,
А где ковры из уголка?
Кому вчера унёс Курман
Из кухни целого телка?

Кто продал масло и крупу?
У нас в детдоме целый год
Директор сам с Канымбубу
Хлеб отнимает у сирот!

С утра сидит себе, как пень!
Он сыт, и всё! Ему плевать
На то, что в город каждый день
Ребята стали удирать!“

Курман дрожит и прячет взгляд.
(А вдруг все вскроются дела?)

„А кто в побегах виноват,
Кто разлагает всех ребят?“ —
Вскричала гневно Жамийла.

„Ты распустила детский дом!“ —
Кричит директор ей в ответ.
Он угрожает ей судом.

„Как не крути, ребят-то нет!

За ложь свою сейчас же вон!
Сдавай немедленно дела!
На всё советский есть закон“, —
Сказала твёрдо Жамийла. —

„Для оправдания своего,
Ты не стыдишься угрожать,
Но за обман, за воровство
Не мне придётся отвечать!“

Вспотевший, красный, как пион,
В испуге жмётся Асанкул:
„Да, с Жамийлою всё же он,
Как видно, палку перегнул!“

И не прошло и пары дней,
Как Асанкул, забыв раздор,
Вдруг подошёл с улыбкой к ней
И первым начал разговор.

От прежней злобы — ни следа!
Сказал: „К чему нам помнить зло?“
Мол, всё, что было — ерунда,
Погорячились, и прошло!

Мол, он с женой Канымбубу
Да и Курман, в конце концов,
В большой тревоге за судьбу
Сбежавших в город сорванцов.

* * *

Теплеет. На холме крутом
Следы пасущихся отар.
...Однажды утром в детский дом
Вернулась девочка Анар.

Исчез румяный цвет лица,
Худа, болячки на руке,
Как бы заблудшая овца,
Пришла и села в уголке.

Анар стыдилась сесть к столу,
В глаза боялась всем взглянуть.
И вдруг, увидев Жамийлу,
К ней, плача, бросилась на грудь.

„Не плачь!“ — сказала Жамийла
Тепло, сердечно, словно мать,
Пригрела, мыться повела,
Велела косы расчесать.

Вернулся вскоре и Рашид.
Где ж пропадал он до сих пор?
Как видно, взял мальчишку стыд:
Войти боится в коридор.

Удрав, попал и он в беду —
И вот вернулся наконец...
„Отсюда больше не уйду,“ —
Сказал товарищам беглец.

Где только он ни ночевал!
Каких дорог ни исходил!
В лавчонках мелких воровал,
Забрёл в один глухой аил,

У чабанов стащил обед,
Но люди кинулись за ним.
„...Пойди к начальству в кабинет,“ —
Сказал приятелю Керим.

„Сегодня „волк“ не так сердит,
Иди, не бойся ничего!
Быть может, он тебя простит,
Проси как следует его!“

„Ну что ж... Придётся мне пойти“... —
Решил бедняга и вздохнул,
Но стал, застыв, на полпути:
„А вдруг прогонит Асанкул!?“

„Иди! Иди!“ И он смелей
Зашлёпал дальше босиком.
Притих и в скважину дверей
Решил взглянуть одним глазком.

Ребят берёт за друга страх,
Они следят, как их Рашид,
Худой, в засаленных штанах,
У двери запертой дрожит.

Мол, он с женой Канымбубу
Да и Курман, в конце концов,
В большой тревоге за судьбу
Сбежавших в город сорванцов.

* * *

Теплеет. На холме крутом
Следы пасущихся отар.
...Однажды утром в детский дом
Вернулась девочка Анар.

Исчез румяный цвет лица,
Худа, болячки на руке,
Как бы заблудшая овца,
Пришла и села в уголке.

Анар стыдилась сесть к столу,
В глаза боялась всем взглянуть.
И вдруг, увидев Жамийлу,
К ней, плача, бросилась на грудь.

„Не плачь!“ — сказала Жамийла
Тепло, сердечно, словно мать,
Пригрела, мыться повела,
Велела косы расчесать.

Вернулся вскоре и Рашид.
Где ж пропадал он до сих пор?
Как видно, взял мальчишку стыд:
Войти боится в коридор.

Удрав, попал и он в беду —
И вот вернулся наконец...
„Отсюда больше не уйду,“ —
Сказал товарищам беглец.

Где только он ни ночевал!
Каких дорог ни исходил!
В лавчонках мелких воровал,
Забрёл в один глухой аил,

У чабанов стащил обел,
Но люди кинулись за ним.
„...Пойди к начальству в кабинет,“ —
Сказал приятелю Керим.

„Сегодня „волк“ не так сердит,
Иди, не бойся ничего!
Быть может, он тебя простит,
Проси как следует его!“

„Ну что ж... Придётся мне пойти“... —
Решил бедняга и вздохнул,
Но стал, застыв, на полпути:
„А вдруг прогонит Асанкул!“

„Иди! Иди!“ И он смелей
Зашлёпал дальше босиком.
Притих и в скважину дверей
Решил взглянуть одним глазком.

Ребят берёт за друга страх.
Они следят, как их Рашид,
Худой, в засаленных штанах,
У двери запертой дрожит.

Рашид—любимец всех ребят:
Учился в школе он на „пять“,
Он мастер сутками подряд
Рассказы, сказки сочинять.

Он не обидчивый, незлой,
Он может ловко, без труда
Взмахнуть пустою пиалой,
И в ней появится вода!

Начнёт смеяться, и за ним
Смеются все до одного.
Он ртом глотнуть умеет дым
И в ухо выпустить его,

Умеет лаять он щенком,
Из ветки выстругать свисток,
Он может тронуть языком
Горячий нож или совок.

Никто не видел, чтоб Рашид
Сердился иль заплакал вдруг,
А кто не в духе—рассмешит,
А кто в беде—он первый друг!

Вот он стучится в кабинет.
Всё! Не удрагь уже теперь!
Ещё разок—ответа нет;
А может, просто дёрнуть дверь?

Или толкнуть её спиной,
Упасть и опрокинуть стул,
Как тот припадочный больной,
Авось, смягчится Асанкул?

Иль диким рёвом напугать,
Иль опустить покорно взгляд
И даже виду не подать,
Что был ты в чём-то виноват.

Мол, возвратился с давних пор,
Да всё не мог его застать!
...И вдруг он слышит разговор:
„Здесь надо цифру приписать,

А здесь вот, сверху, ставь печать!
Вот так. Вот так. Ну всё, Курман!
Ну, а теперь, смотри, молчать!
Никак не вскрыется сбман!“

„Боюсь, комиссия сама
Прочтёт счета, проверит груз...“
„Да ты, Курман, сошёл с ума!
Дрожишь, как заяц, глупый трус!

Смотри, особо в эти дни,
Чтоб каждый был обут и сыт,
Как на убой, детей корми,
Чтоб ни упрёков, ни обид!

Пусть масло, сахар на столе,
Ну, словом, сам сообрази!
Сходи ещё и к Жамийле,
Подарок дочке отнеси“.

Услышав сговор двух друзей,
Рашид застыл, как в столбняке.
Чего он медлит у дверей?
Но вот защёлкал ключ в замке.

„Салам!* К вам можно или нет?“
„Входи!“—ответил Асанкул.
Из коридора в кабинет
Рашид растерянно шагнул.

Он, словно каяться готов,
Стоит смиренно у стены.
Из дырок продранных штанов
Коленки красные видны.

И молвил ласково Курман,
За чуб мальчишку теребя:
„Ну, не стесняйся, мальчуган,
Какое дело у тебя?“

Сдержав волнение с трудом,
Рашид глазами заморгал:
„Я вот... вернулся в детский
дом...“
„Ага! Ты тоже убегал!?“

„Простите, больше не уйду!“
Директор выслушал его,
И, ухмыляясь на ходу,
Тепло сказал: „Ну, ничего!“

Не ценишь нас ты ни на грош,
Ведь мы—твой дом, твоя семья!
А если снова удерёшь,
Потом пеняй уж на себя!“

* С а л а м — привет.

Узнав про тёмные дела,
В обком ходила Жамийла,
И Асанкул не ест, не пьёт:
Пять дней ревизия идёт.

И на Курмана всю вину
Со страха валит Асанкул:
Мол, тот разграбил всю казну
И государство обманул,

Тот распустил детей за год,
Тот разорил весь детский дом.
...Но всё ж обидчики сирот
Предстали оба пред судом.

* * *

Теперь директором Айша.
Порядок всюду наведён.
Хозяйка, добрая душа
И справедлива, как Антон.

Она на даром с юных лет
Растит детдомовских сирот.
Всегда в бегах, встаёт чуть свет,
И так всю жизнь, из года в год.

Когда от пули басмачей
Погиб её любимый друг,
В одну из пасмурных ночей
Она оставила свой юг.

Ей заменил детдом семью.
Забот, энергии полна,
Весь труд, всю ласковость свою
Ребятам отдаёт она.

Похвалит — так уж от души,
Корит — так, значит, поделом.
И с назначением Айши
Преобразился детский дом.

* * *

А где же старый Тургунбек,
Что был у бая чабаном?
...Теперь он вольный человек,
Овец имеет, новый дом.

Давно землянки прежней нет,
Где было сыро и темно.
Теперь весёлый, яркий свет
В его врывается окно.

Хоть внуки бегают в дому,
Чабан как будто и нестар.
...Нет-нет, да вспомнится ему
Сиротка — маленький Аскар.

Поехать надо бы в Пишпек
Узнать бы там о пареньке.
И вот однажды Тургунбек
Приехал к дяде Келдике.

Каныш, поставив самовар,
Несёт вино для чабана.
„А где же маленький Аскар?“
„Сбежал!“—ответила она.

„Сбежал?“—в тревоге вскрикнул гость,—
Вскочил со стула сам не свой.
В его глазах испуг и злость,—
„Смотри, ответишь головой!“

И Келдике с женой Каныш
Смущённо жмутся перед ним:
„Ты, Тургунбек, чего кричишь?
Нам жалко мальчика самим!

Семь лет вот будет в сентябре,
Как скрылся ночью мальчуган“.
„А что ж отвечу я сестре?“—
Сказал расстроенный чабан.—

„Как на комузе он играл...
Эх, вышел толк бы из него!
Нет, зря б сиротка не удрал.
Не вы ль обидели его?“

Где разузнать о пареньке?
Сбежал... А вдруг попал в тюрьму?
Но дочь соседки Келдике
Сказала во дворе ему:

„Вон видишь на холме крутом
Листву развесистых чинар?
Забор, а слева—детский дом.
Я знаю, там живёт Аскар“.

И дочь соседки повела
Туда приезжего с собой.
Навстречу вышла Жамийла,
Спросила мягко: „Кто такой?“

„А это—гость издалека
Пришёл к мальчишке одному“.
..Аскар, увидев старика,
На шею бросился к нему.

Стерев у носа капли слёз,
Сказал с улыбкой Тургунбек:
„Никак меня ты перерос,
Подумать—взрослый человек!

Орёл! Тебе какой же год?
Поди, забыл родной аил?
Спасибо всем, кто вас, сирот,
Под тёплым кровом приютил!“

* * *

Как изменились времена!
Со старым кончено навек.
Рождённый в юрте чабана,
Расправил плечи человек.

Он стал хозяином земли,
Он книгу Ленина раскрыл,
Сквозь тьму увидел свет вдали,
Почуял силу вольных крыл.

Он много понял, много смог
За малый срок великих лет,
Он видел трудности дорог,
Он видел радости побед!

Он бился с бандой басмачей,
Чтоб людям вольного труда
Стоять у доменных печей,
Пахать и строить города.

Он падал, раненный в бою,
Взлетал до самых облаков,
Он, если надо, жизнь свою
Отдаст за власть большевиков.

* * *

Шумит прозрачная река.
Весна, куда ни кинешь взгляд.
Раскрылись чашечки цветка,
Как белый бархат, облака

По небу синему скользят.
Уже поля в коврах травы,
И грозди солнечной листвы
В окно ворваться норовят.

Весёлый май заходит в класс,
Легко разбрасывая свет,
Мол, я пришёл поздравить вас,
Как быстро минуло семь лет!

Погода—чудо хороша!
Густеют ветки деревьев,
Вот утром в класс зашла Айша
Поздравить радостных птенцов.

Она, смеясь, всем руки жмёт,
Остались считанные дни...
А что их дальше в жизни ждёт?
Кем станут в будущем они?

Она дала им, что могла,
Жалела, как родная мать.
К Айше подходит Жамийла.
„Мальчишек наших не узнать!

Серьёзным тоном говорят,
И все дружны между собой.
Уже у многих из ребят
Пушок пробился над губой.

Весёлым бойким стал Аскар,
А был когда-то нелюдим...
Как хороша собой Анар,
Как вырос фокусник Керим!

Да... Много было трудных дней.
Устала? Это не беда!“
Кто б знал, как грустно будет ей
С детьми расстаться навсегда...

* * *

Птенцы взлетают над гнездом,
Чтоб верный путь свой продолжать.
...Пора, почтенный детский дом,
Своих питомцев провожать.

Не год расгил ты их в тепле,
Что ждёт в пути их? Дождь? Гроза?
...Подарков столько на столе,
Что разбегаются глаза.

Все в одинаковом птенцы:
В тужурках тёмно-голубых.
А завтра жизнь во все концы
По всей стране разбросит их.

Войдут другие в светлый класс,
Другим устроят зимний бал.
Пора! Звонок в последний раз
Их созывает в клубный зал.

Внесли букеты, и Айша
Стоит, волнуясь за столом,
Ребята смотрят не дыша,
Как дорог им их детский дом!

Как много здесь родных людей!
Весь зал в гирляндах из флажков.
Как много съехалось гостей
На торжество выпускников!

И все, кто здесь, от всей души
Больших удач желают им.
Вот в шумный зал портрет Айши
Приносит фокусник Керим.
Похожий! В рамке под стеклом.
Не зря гордился детский дом
Всегда художником своим!

И под весёлый гул хлопков
Керим вдруг выступил вперёд:
„Спасибо, власть большевиков,
От всех бездомных и сирот!

За всё спасибо, детский дом,
Спасибо, старшие друзья,
Вы заменили мать с отцом
Таким вот сиротам, как я!

Спасибо... Пусть пройдут года,
Но в этом зале, в этот час,
Мы, вылетая из гнезда,
Даём вам слово помнить вас!“

И вновь хлопки со всех сторон,
Гремит весёлый барабан.
И вдруг заходит в зал Антон—
В защитной форме капитан.

Бежит навстречу детвора,
„Привет друзьям!“ Десятки рук
Его подкидывают вдруг
С весёлым возгласом: „Ура!“

Ему воздушный дарят шар,
Анар даёт букет цветов.
„Вниманье! Маленький Аскар
Сказать нам хочет пару слов!“

Аскар сказал: „Наш атаман
Учил нас, как кого надуть,
Как влезть тайком в чужой карман,
С прилавка что-нибудь стянуть.

Мы знали холод и нужду,
Да мало ль с нами было бед?
А здесь упорству и труду
Нас приучали с малых лет.

Тебе спасибо, красный флаг!
Ты вёл сирот на свет из тьмы
И нас карманщиков-бродяг
Ты сделал честными людьми!

Мы под твоим росли крылом,
Твоею правдой дорожа. .“
Все стихли: каждому диплом
Даёт торжественно Айша.

Путёвка в счастье... Поезда
Летят сквозь ветер голубой.
...Так жить, чтоб Родина всегда
Могла гордиться бы тобой!

ЭПИЛОГ

К вершинам гор подтянут снег,
Листва аллей на солнце серебрится.
Теперь весна приходит не в Пишпек,
А в город Фрунзе—в славную столицу.

И весь в лучах весеннего тепла,
Обсаженный густыми тополями,
Стоит, как будто красная скала,
Киргизский театр, усыпанный огнями.

Аскар!.. Давно не виделись мы с ним!
Нас разлучили годы фронтовые.
Я оперу, написанную им,
Сегодня буду слушать здесь впервые.

С толпою шумной двигаюсь вперёд.
Уже начнётся скоро представление.
...В горбатых юртах выросший народ
Заходит в храм и смотрит с удивленьем:

Театр, как будто устланный ковром,
В лучистых люстрах—радуги цветные,
Вверху орнамент синий с серебром,
На гладких стенах—розы, как живые.

Я по билету нахожу свой ряд.
Сажусь и жду. Рассматриваю с места
И занавеса бархатный наряд,
И инструменты шумного оркестра.

И вдруг запели жалобно смычки,
Вдали, на сцене—горы и деревья.
Рыдают жёны, стонут старики,
В огне жильё и дальние кочевья.

Дымит разбушевавшийся пожар,
То плач, то грома грозные раскаты.
Но вот гремит победный марш фанфар—
Идут Советской Армии солдаты!

Идёт спасенье! Отступает враг.
Потом рассвет над горными хребтами,
Звенит комуз, и вьётся красный флаг,
Поют и пляшут девушки с цветами.

Киргизский край мой, родина моя,
Через какие шёл ты испытанья...
...Скользят по сцене бархата края,
Гремит оркестр под гром рукоплесканья.

А предо мной ещё листва чинар,
Ещё звучит восточная сюита.
...На сцену вызван публикой Аскар—
Мой старый друг—известный композитор.

Ему несут букеты майских роз...
Какая в нём застенчивость и сила!
И я гляжу, растроганный до слёз,
На бывшего бродягу из аила.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Фрунзе, Панфилова, 89-а, Киргизучпедгиз.

МУСА ДЖАНГАЗИЕВ

АСКАР

(Поэма)

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Редактор Л. Т. Соинчикова

Худож. редактор А. С. Осташев

Техн. редактор С. Сарыгулов

Корректоры Э. В. Кеслер, Г. В. Сидорова

Сдано в набор 5/IX-1959 г. Подписано к печати 28/X-1959 г.
формат бумаги 70×108¹/₃₂. 2,75 печатн. лист. 2,25 уч.-изд. л.
Заказ № 3282. Тираж 6000. Цена 70 к.

Г. Фрунзе, типография № 2 Главиздата Министерства культуры
Киргизской ССР

Цена 70 к.

КИРГИЗУЧПЕДГИЗ — 1959